

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Литература и журнализм «Благонамеренные речи», XIII, «Семейные итоги» Н. Щедрина

<Фрагменты>

В одном из предыдущих обзоров мы говорили о сатире г. Щедрина, направленной на так называемых «культурных людей». Публика ожидала, что в мартовской книжке «Отечественных записок» появится продолжение сатирического очерка с подробностями заграничного путешествия двух «культурников». Но третья книжка этого журнала предлагает нам нечто иное. Г. Щедрин является с новым эпизодом большой семейной хроники, которую он в последний год вставил в рамки своих *Благонамеренных речей*. Публика уже достаточно знакома с характеристикой того помещичьего семейства, какое г. Щедрин избрал для своих психических и бытовых исследований; но читатель позволит нам сказать по этому поводу несколько слов о новой художественной фазе, в которую талант г. Щедрина вступил за самое последнее время. *Губернские очерки*, с первых шагов г. Щедрина, наметили два элемента его писательской деятельности, и преобладающий элемент была сатира с обилием местных подробностей быта. Она разрослась в дальнейших произведениях и охватила собой весь мир новейшего чиновничества, всю трагикомедию, заключающуюся во внешнем, пустом, бюрократическом прогрессе, под которым хранятся прежние темные силы. Но в *Губернских очерках* было несколько вещей, показавших, что г. Щедрин весьма и весьма способен на воспроизведение жизни с меньшей сатирической преднамеренностью, что он способен даже отзываться на поэтическую сторону народного быта. Это художественное свойство было когда-то замечено; потом г. Щедрин, пойдя исключительно по дороге сатирика, сам помог тому, что объективного художника в нем как-то забыли, но в последние полтора-два года, под рубрикой *Благонамеренных речей*, он выступил с несколькими рассказами, резко отличающимися от обыкновенного пошиба его сатиры, ее

содержания и приемов. В этих рассказах он изменяет, во-первых, свой язык. Мы имеем тут уже не юмориста, точно обязанного все говорить с сатирической язвительностью, а рассказчика, изображающего нам жизнь без всяких подчеркиваний, образным, сочным языком, держась тона, помогающего читателю видеть предметы, лица, природу в их настоящем свете. Разумеется, кое-где сатирик берет верх в характеристике отдельных личностей и их отношений; но общий фон все-таки художественно-объективный. И все истинно творческие способности г. Щедрина начали проявляться в таких рассказах гораздо сильнее, чем в его сатирических очерках. Уже самый выбор сюжетов показывал, что автор действительно хочет быть художником более, чем сатириком. Он выбирает мир разрушающегося деревенского барства; сначала вводит самого себя в рассказах о нынешних порядках, а потом совершенно устраняет свою авторскую личность и дает нам целую картину старо-помещичьего *вырождения*, целую эпопею чисто-трагического характера, несмотря на то, что она преисполнена самой обыденной прозы и даже пошлости. Интерес читателя сосредоточивает он на фигуре помещицы Арины Петровны, в которой засели все крупные бытовые черты самовластной скопидомки и собирательницы земли. <...> Личность <...> «Иудушки», даровито очерченная в предыдущих очерках, является в последнем во всем своем расцвете. Можно смело сказать, что вы не найдете ни в одной из сатирических вещей г. Щедрина такой своеобразной фигуры, воспроизведенной с большим художественным мастерством, заключающей в себе более яркого творчества. Конечно, кое-где автор изменяет обязанности объективного художника и говорит об этом исчадии барско-чиновничьего мира с слишком большою беспощадностью, слишком резко вызывает к нему презрение и даже отвращение; но зато во всех остальных местах рассказа, где действует сам этот Иудушка, художник вступает в свои права и заставляет нас забывать о вторжениях сатирика. <...> По оригинальности, новизне и мастерству выполнения фигура Иудушки стоит выше старухи. Его суесловие пошло-фарисейского характера облечено в необыкновенно яркий, своеобразный жаргон, не заключающий в себе никакой карикатурности. Словом, последний рассказ г. Щедрина был бы вполне художественным произведением, если б в него все-таки не входил один элемент, нарушающий полную объективность авторской манеры. Этот элемент — рассудочный, уже слишком вьезшийся в сатирика. Он не может ограничиться тем, чтобы представить нам своих героев в действии, в разговорах или описаниях; он непременно прибавляет свои собственные объяснения. Он комментирует и даже изобличает.

К Иудушке чувствует он ничем нескрываемое презрение и старается как можно убедительнее выставить перед нами всю курьезную пошлость этой фигуры. Мы не считаем, однако же, г. Щедрина неспособным на полную художественную объективность: ряд последних бытовых рассказов показывает, напротив, что он приближается к ней. Ему стоит только разделить свою деятельность на два отдела, провести между ними резкую черту: по сю сторону этой черты он останется сатириком со всеми своими правами и преимуществами; по ту сторону — он будет держаться строгих пределов художественного изображения, без всякого вмешательства своей писательской личности. Но и авторский элемент в последнем рассказе г. Щедрина, т. е. элемент сатирический, изобличительный и резонерский, все-таки проникнут жизнью, глубиной, меткостью взгляда. <...> ...вторжение самого писателя в художественный рассказ непременно вредит цельности, простоте, непосредственности творчества. Повторяем: всё это привычки сатирика и резонера, и от всего этого г. Щедрин может весьма легко отделаться. Мы даже думаем, что в скором времени художник пересилит в нем сатирика: до такой степени свежи его творческие приемы, так сильно в нем чувство настоящей жизни, так много материала доставила ему объективная наблюдательность. И когда об этом подумаешь посерьезнее, выяснится вполне та громадная утрата, которая грозила русской литературе год тому назад, когда вся читающая публика была глубоко огорчена известием о тяжелой болезни нашего сатирика-художника, вернувшегося теперь, с обновленными силами, к своему плодотворному авторскому труду.

